

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЗВУКОВОЙ СТОРОНЫ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА НА ПРИМЕРЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Л. А. Богданович

аспирант кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: larisa.blishch@yandex.ru

Статья посвящена поэтическому использованию лингвистических терминов, связанных с обозначением звуковой стороны речи (фонетики и фонологии). Анализируются контексты поэтических произведений русских авторов с использованием подобной лингвистической терминологии как элемента поэтического языка и инструмента создания образов. Научная новизна заключается в систематизации авторской рефлексии относительно звуковых явлений на примере лингвистической терминологии, используемой вне прямой референции и в качестве элементов различных тропов. Результаты исследования свидетельствуют о широком использовании поэтами фонетико-фонематической терминологии, что во многом связано с повышенным вниманием поэтов к звучанию образного слова, создающего неповторимый облик поэзии как вида искусства.

Ключевые слова: поэзия, звук, фонетика, лингвистическая терминология, троп, образ.

EXPRESSIVE ABILITIES OF THE SOUND SIDE OF A POETIC TEXT ON THE EXAMPLE OF LINGUISTIC TERMINOLOGY

L. A. Bogdanovich

postgraduate student of the Department of Belarusian and Russian Philology
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: larisa.blishch@yandex.ru

The article is dedicated to the usage of linguistic terms in poetry associated with the denotation of the sound side of speech (phonetics and phonology). Poetic contexts of Russian authors with the usage of similar linguistic terminology as an element of poetic language and an instrument of image creation are being analyzed. Scientific novelty lies in systematization of author's reflection regarding sound phenomena on the example of linguistic terminology, used out of direct reference and as various trope elements. The results of the study demonstrate a wide usage of phonetic-phonemic terminology, which is largely due to increased attention to a figurative word sound among poets, who create a unique image of poetry as an art form.

Key words: poetry, sound, phonetics, linguistic terminology, trope, image.

Введение. Конструктивно важной частью изобразительности поэзии является звучащая сторона произведения. Звук в поэтических текстах выполняет не только формообразующую функцию, но и зачастую становится содержательным элементом поэтики. Можно говорить о своеобразном «барьере» между авторским чтением художественных текстов и формальном соответствии произведения на бумаге. Известный немецкий филолог Эдуард Сиверс отметил условную границу, затрагивающую «филологию для глаз» (Augenfilologi) и «филологию для слуха» (Ohrenfilologi). Б. Г. Каирбеков разделяет мнение учёных о том, что поэтика есть сжатая, совмещенная форма звукословесного искусства, где на каждом отрезке художественного пространства слово и словесный ряд объединяются одновременно в логико-понятийное, образное, эмоционально-оценочное и ритмико-звуковое начала, а также могут сами дополнительно наращивать и разнообразить свою семантику путем раскрытия внутренней формы слов, столкновения и сопоставления [1, с. 5–6].

Художественному тексту приписывается функциональная неопределенность и многозначность, уникальность авторского замысла и уникальность самого текста в связи с тем, что автор оказывается совершенно свободен в выборе содержания и средств выражения [6, с. 59]. Звуковая оформленность представляет в этом плане особую значимость [5, с. 89]. Звуковая инструментовка произведения служит иллюстрацией креативной функции соединения звукового и словесного образов художественного текста. Особым приемом установления звуко-смысловых связей является установление ассоциативных связей звуков со словами и выражениями, отсутствующими в самих текстах.

В ходе лингвистического анализа, главным образом, исследуются языковые средства, функционирующие в произведении и создающие его стилевое и стилистическое своеобразие [5, с. 72]. В качестве такого рода языковых средств могут использоваться и лингвистические термины, функционирующие в поэтических контекстах как объекты поэтического рефлексирования либо вне прямой референции – как элементы тропеических конструкций [2, с. 43].

Цель, методы и материал исследования. В данной статье нами будут рассмотрены терминологические лексемы, связанные с изучением звуковой стороны речи (т. е. в первую очередь с фонетикой и фонологией, зафиксированные в текстах русских поэтов XIX – XXI вв. и выполняющие

в них функцию элементов создания художественных образов. Исследование осуществлялось с применением методов контекстного и компонентного анализа. Материал извлечен главным образом из поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [3]. Всего нами зафиксировано в подобной функции более 10 терминологических единиц (*звук, слог, фонема, гласный, согласный, фрикативный, аффриката, дифтонг, пауза, интонация, ударение, фонетика* и др.).

Результаты исследования и их обсуждение. Большинство отобранных контекстов включают в качестве ключевого элемента лексему *звук*, а также термины, номинирующие различные типы звуков. При этом нередко подчеркивается способность звуков порождать те или иные ассоциативные связи, индивидуальные для конкретной личности, но вместе с тем создающих в совокупности «мир многоединный»: *Звук множит бестолочь голов / И гложет огненное сердце; / И в звуках нет толковых слов; / Здесь не найдёшь единовеца; / Из мысли: вылетят орлы; / Из сердца: выйдет образ львиный; / Из воли: толстые волны ... / Из звука: мир многоединный. / Тот, звуковой, – во всё излит; / Та, звуковая, – золотая; / И этот – камень лазурит; / И этот – пламенная стая* (А. Белый).

Целый ряд примеров демонстрирует образно-поэтическое воплощение терминологической оппозиции «гласные vs. согласные», ср.: *Согласные плотнятся речи хлебом, / а вы для языка – родник, вино, исток. / Весь алфавит в тених сплетенье / предстал сверкающей войной, / но гласных ясное томленье / за локти вверх зовет – домой* (Е. Шварц); *Какая мудрость в каждом сочлененье / Согласной с гласной! Есть ли в том корысть! / И кто придумал это сочиненье! / Какая это радость – перья грызть!* (Д. Самойлов); *Будто слух / от мозга заслонился стенкой красной / с тех пор, как он утратил гласный звук / и странно изменился шум согласной* (И. Бродский); *Ведь гласная почти на небе / пропел и нет ее – лови, / согласные же в плоть вонзились / ножом заржавленным дрожат* (Е. Шварц); вплоть до примеров языковой игры: *Тарарабумбия, / Здесь не Колумбия: / Здесь наши гласные / Во всем согласные* (Б. Садовой) [3]. В последнем примере, как видно, имеет место совмещение значений в пределах лексемы *согласные*, ведущее к каламбуру: «звуки, состоящие из голоса и шума или только шума» + «согласяющиеся, не возражающие, принимающие мнение другого».

Тем не менее большинство примеров, содержащих упоминание одного из терминов данной терминологической оппозиции, содержат именно терминологическую лексему *гласные*, ср.: *Из гласных, идущих горлом, / выбери «ы», придуманное монголом. / Сделай его существительным, сделай его глаголом* (И. Бродский); *О, три слога! Рев сильных широт / отворенной гортани! / Как в красных / и предельных объемах шаров – / тесно воздуху в трех этих гласных* (Б. Ахмадулина); *Как хорошо, что темнота, / Что пахнет лесом, ливнем, глиной, / Что сотни гласных изо рта / Выкатываются лавиной* (Д. Самойлов); *Твое изумление, или твое / Зияние гласных – какая награда / За меркнувшее бытие! / Не осень, а голоса слабый испуг, / Сияние гласных в открытом эфире / Что лед, ускользнувший из рук...* (А. Тарковский) [3]. Такой рефлексивный перевес в пользу гласных, по-видимому, можно объяснить тем, что лирика – это прежде всего искусство звучащего слова, родством лирического и песенного жанров, стремлением стихов быть спетыми или читаться нараспев, чему, естественно, в первую очередь способствует акцентирование гласных звуков.

В ряде случаев возникают образы конкретных звуков (иногда в сочетании с их буквенным обликом), в результате чего создаются синестетические визуально-звуковые образы, ср.: *От А до О, / От О до Ю, / От Ю до Ы – / Какие звуки! / Изогнутые, как излучки, / Как реки, из которых пью* (Д. Самойлов); *Связь «и» и «г[э]» звучит как гонг, / Как медный звон в момент заката* (М. Тарловский); *Звуки на а широки и просторны, / Звуки на и высоки и проворны, / Звуки на у, как пустая труба, / Звуки на о, как округлость горба, / Звуки на е, как приплюснутость мель, / Гласных семейство смеясь просмотрел* (Д. Бурлюк); *Есть лирика великая – кириллица! / Как крик у Шостаковича – «три лилии!» – / белеет «Ш» в клавиатуре Гилельса – / кириллица! / И фырчет «Ф», похожее на филина. / Забьет крылами «у» горизонтальное – / и утки унесутся за Онтарио. / В латынь – латунь органная откликнулась, / а хоровые клиросы – / в кириллицу! / «Б» вдаль из-под ладони загляделась – / как Богородица, ждущая младенца* (А. Вознесенский) [3].

Наконец, поэтической «реконструкции» может подвергаться звучание как отдельного звука, так и целого слова, где каждый звук – словно инструмент в ансамбле, ср.: *Все, что касалось культуры, науки, / Всякие фигли, и мигли, и штуки – / Это всегда называлось по-русски / С «г[э]» фрикативным в виде нагрузки* (Б. Слуцкий); *добро бы только в гости из гимназий / в именье на каникулы на связь / фамильную с корнями... нету связи! / живи себе среди вселенской смази / «г[э]» фрикативного по-девичьи стыдась* (В. Кривулин); *Все с места снимаешься / В просторы безбрежные, / Как прежде, непрежняя / Россия – Рассея... / Три гласных рассея, / Одно «эр» оставив, / Одно «эс» прибавив, / Ты стала родною / Другую страну: / [Э]СС[э]С[ээ]Р* (М. Зенкевич) [3].

Если такие слова, как *звук, согласный, гласный*, хоть и имеют терминологический статус, но всё же хорошо известны среднему носителю языка (по крайней мере, учившемуся в школе), то о ряде фонетико-фонологических терминов такого сказать никак нельзя в силу ограниченности их употребления сугубо профессиональным дискурсом филологов и/или обучающихся по филологическим специальностям.

Так, в школьной программе, а как следствие, и в актуальном лексиконе нефилолога (нелингвиста) отсутствуют лексические единицы, обозначающие иные типы звуков, прежде всего по способу и месту образования, как и термин **фонема**, введённый в лингвистический оборот для обозначения функциональной (обобщённой, системно-языковой) ипостаси звука как конкретной артикуляционной и акустической единицы, наконец, сами названия лингвистических дисциплин, изучающих звуки речи и языка – **фонетика** / **фонология** – так же вряд ли могут быть отнесены к общеупотребительной лексике, ср.: *Когда читаю я поэму, / то слышу тайную фонему, / которая сквозит меж строк / отписанных* (Н. Байтов); *Кишеньке свинцовых зверушек / расцарапанных неприрученных фонем* (В. Кривулин); *на орды митингующих фонем / расцеплено ядро – с энергией распада / становится светло и очевидно всем / что больше говорить не следует не надо* (В. Кривулин); *Пока он спит, медлительные бонзы / Сжигают свечи, ударяют в гонг. / Но замер он, весь вылитый из бронзы, / Под медленно струящийся дифтонг* (Т. Андреева); *Два слитных гласных суть дифтонг, / А два согласных – аффриката* (М. Тарловский); *Не подлости дифтонг, / Не ектянь / Настроенного в тон / Чутья* (Г. Оболдуев); *Я так и знал, кто здесь присутствовал незримо: / Кошмарный человек читает «Улялюм». / Значенье – суэта, и слово только шум, / Когда фонетика – служанка серафима* (О. Мандельштам); *Фонетика какая! / Треск и лязг! / А логика какая! / Гегель с Кантом!* (Б. Слуцкий); *отверстия округлости и мягкости твердости / зияния задний передний подъем / фонетика / фонология – иное / выбор между архифонемой и / ее коррелятом / божье это не релевантно!* (С. Бирюков) [3]. Заметим, что последний из приведённых примеров – фрагмент стихотворного произведения под названием «Основы фонологии».

Несегментные единицы фонетики – **ударение** и **интонация** – также весьма характерны в качестве самостоятельных объектов поэтического рефлексирования либо образов, привлекаемых для метафорического переосмысления тех или иных внеязыковых реалий, ср.: *Язык, еще не обработан, / Пленяет мощным разворотом / Звучаний, форм и ударений* (Д. Самойлов); *Быть может, его назначение / Лишь в том, чтобы, встав на носки, / Без роздыха взять ударение / На горке нечетной строки* (А. Тарковский); *Вдруг зеленеет зрение. / Вещи теряют вес. / Правила ударения / в дождь повторяет лес* (М. Айзенберг); *Над толщей твоих стихотворений / расставит дождик знаки ударений, / окно откроешь – а за ним темно* (А. Еременко); *Ты научился у меня / Кропать сюжетные стициата. / Но только нету в них огня / И в интонации набата* (А. Межиров); *За обнаженность интонации, / За обостренность чувств и слов, / За красоту предельной грации / Остановившихся часов* (И. Северянин) [3].

Собранный материал свидетельствует о том, что лингвистические термины (в частности, понятия фонетики и фонологии) могут входить в состав или использоваться в качестве образно-смысловой основы различных тропов:

- эпитетов: *То слово – первое слово нежное, / Из белых слогов – оно* (В. Набоков);
- сравнений: *На острове, как гласные в строфе, / Толпились люди, увлекшись парадом* (Б. Поплавский);
- метафор: *И ливень гласных над душою, / как бы проснувшись, засверкал* (С. Петров);
- метафорико-фантастических тропов: *На Венере, ах, на Венере / Нету слов обидных или властных. / Говорят ангелы на Венере / Языком из одних только гласных* (Н. Гумилев);
- метонимии: *Рисовал, и совал, и размазывал, / в ухо – глупости жарко влагал, / обожал ее розовым разумом. / Даже имя лизал по слогам* (Д. Бобышев);
- тропических конвергентов (комплексов): *Взвезда на горные пороги / Молитвенно свои уста, / Ты шепчешь высохшие слоги, / Как пепл солгавшего куста* (Д. Бурлюк).

Заключение. Таким образом, можно утверждать, что в русской поэтической речи прошлого – начала текущего столетия лингвистическая терминология укоренилась достаточно прочно, вовлекая читателя в рефлексию по поводу отдельных языковых феноменов и языка как основного средства коммуникации в целом, а подчас и в языковую игру. Лингвистические термины могут выступать здесь в двух основных функциях: как непосредственно объекты поэтического осмысления, нередко выражающегося в индивидуально-авторских «дефинициях», а также как средства создания метафорической призмы, сквозь которую высвечиваются новые, порой неожиданные стороны различных внеязыковых явлений и феноменов.

Список использованных источников

1. Каирбеков, Б. Г. Образ и звук в поэтических контекстах Олжаса Сулейменова / Б. Г. Каирбеков // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика [Электронный ресурс]. – 2012. – № 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zvuk-i-obraz-v-poeticheskikh-tekstakh-olzhasa-suleymenova>. – Дата доступа: 08.01.2021.
2. Кураш, С. Б. Метафорика белорусской и русской поэзии: текст-дискурсивный аспект / С. Б. Кураш. – Мозырь: УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2020. – 322 с.
3. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>. – Дата доступа: 23.08.2020.
4. Ревуцкий, О. И. Лингвистический анализ художественного текста : учеб. пособие для студентов филол. фак. вузов. – Минск : НМЦентр, 1998. – 192 с.
5. Темкина, В. Л. Современные подходы к анализу языка художественной литературы [Электронный ресурс] / В. Л. Темкина, О. А. Семьнина // Вестник ОГУ. – № 11 (160). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-k-analizu-yazyka-hudozhestvennoy-literatury>. – Дата доступа: 08.01.2021.

6. Щербакowa, И. В. Художественный текст как предмет исследования [Электронный ресурс] / И. В. Щербакowa // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 11–2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyy-tekst-kak-predmet-issledovaniya>. – Дата доступа: 08.01.2021.

References

1. Kairbekov, B. G. (2013). Obrazizvuk v poeticheskikh kontekstah Olzhasa Sulejmenova. *Vestnik RUDN. Serija: Teorijazyka. Semiotika.Semantika*, 2012, № 3. [Sound and image in the poetry of Olzhas Suleymanov. *Bulletin of RUDN. Theory of language.Semiotics.Semantics*]. 3, 5–6. Retrieved January 08 2021 from: <https://cyberleninka.ru/article/n/zvuk-i-obraz-v-poeticheskikh-tekstah-olzhasa-suleymenova>. (In Russ).
2. Kurash, S. B. (2020). Metaforika belorusskoj i russkoj poezii: teksto-diskursivnyj aspect [Metaphorics of Belarusian and Russian poetry: text-discursive aspect]. *Mozyr* : MSPU named after I.P. Shamjakin. (In Russ).
3. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka (NKRJa). [Russian National Corpus]. Retrieved August 23 2020 from: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>. (In Russ).
4. Revuckij, O. I. (1998). *Lingvisticheskij analiz hudozhestvennogo teksta: Ucheb. posobie dlja studentov filol. fak. vuzov. [Linguistic analysis of literary text: textbook for students of the philological faculties of universities]*. Minsk : NMCentre. (In Russ).
5. Temkina, V. L. (2013). Sovremennye podhody k analizu jazyka hudozhestvennoj literatury. *Vestnik OGU*. [Modern approaches to the fiction language analysis. *Bulletin of OSU*]. 11 (160). Retrieved January 08 2021 from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-k-analizu-yazyka-hudozhestvennoj-literatury>. (In Russ).
6. Shherbakowa, I. V. (2015). Hudozhestvennyj tekst kak predmet issledovanija. *Aktual'nye problem gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. [Literary text as a subject of research. *Actual problems of the humanities and natural sciences*]. 11–2. Retrieved January 08 2021 from: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyy-tekst-kak-predmet-issledovaniya>. (In Russ).